

*Keynote Presentation for the 2010 Annual Security Review Conference, Working Session III:
'The role and perspectives of arms control and confidence- and security-building regimes
in building trust in the evolving security environment'*

ВЫСТУПЛЕНИЕ

**бывшего главы Делегации Российской Федерации на переговорах в
Вене по вопросам военной безопасности и контроля над вооружениями
В.Л.ЧЕРНОВА
на Ежегодной конференции по обзору проблем в области безопасности
(г.Вена, 15 июня 2010 г.)**

Господин председатель,

Я хотел бы поблагодарить председательство Республики Казахстан и российскую делегацию за предоставленную мне честь выступить на этой конференции и изложить свои взгляды по ряду вопросов, относящихся к сфере обеспечения военной безопасности в Европе.

Полагаю, что я удостоился такой чести по двум причинам. Во-первых, так случилось, что вместе с Договором об ОБСЕ мне довелось пройти весь путь – от его разработки и подписания в ноябре 1990 года до третьей обзорной конференции в июне 2006 года, фактически зафиксировавшей его распад. Если мнение таких людей как я оказывается востребованным и сегодня, то можно лишь засвидетельствовать, что дела у нынешнего поколения венских переговорщиков обстоят не лучшим образом.

Во-вторых, уже два года как я не состою на государственной службе и поэтому могу говорить без инструкций. Буду рад, если неформальные нотки моего выступления окажутся полезными для стимулирования дискуссии между представленными здесь делегациями.

Для тех кто интересуется, могу сообщить, что в настоящее время я работаю в Российской Корпорации нанотехнологий, занимаюсь налаживанием деловых связей с партнерами из США и Канады. Для справки: нанотехнологии – это методы манипулирования атомами и молекулами вещества, в результате которого это вещество приобретает новые, в том числе и заранее заданные свойства. В какой-то мере это напоминает венский переговорный процесс: здесь тоже нередко пытаются манипулировать мелкими, малозначимыми вопросами, вот только нового качества отношений и соответствующих договоренностей все не получается. В чем тут дело?

На мой взгляд, тупик в работе ОБСЕ на военно-политическом направлении определяется ментальностью, наиболее ярко выраженной в докладе одного то ли финского, то ли шведского профессора на последнем Семинаре ОБСЕ по военным доктринам. Если кто помнит, он поделил все государства на две категории - на тех кто выиграл в «холодной войне» и на тех, кто ее проиграл. На нарисованном им графике победители возносились на небеса, в рай, именуемый «глобализацией». Победенных же ждала участь быть низвергнутыми в бездну, если только они не будут вести себя так, как им говорят божественные голоса свыше. Нет сомнений в том, что для адептов подобных взглядов «холодная война» еще не кончилась. Она окончится тогда, когда придет вознаграждение за победу, размеры которого, по-видимому, неисчислимы. Значительную часть этого вознаграждения должна была выплатить Россия, поступившись своими жизненно важными интересами, утратив способность эффективно обеспечивать свою безопасность перед лицом нарастающих вызовов и угроз.

Считаю, что именно на этой философии основывалась позиция США и НАТО, занятая в отношении Договора об обычных вооруженных силах в Европе в последние восемь лет его функционирования. Именно их упорство в стремлении использовать этот ключевой для европейской безопасности документ в своих внешнеполитических целях нанесло смертельный удар по режиму контроля над вооружениями на нашем континенте.

В последнее время, однако, ситуация в мировой политике начала несколько меняться. Я не берусь здесь судить о причинах таких изменений или об их глубине. Очевидно, однако, что с приходом к власти в Вашингтоне администрации Б.Обамы ключевыми игроками на международной арене предпринимаются усилия по выводу на передний план позитивных аспектов наших отношений, по восстановлению утраченного доверия. Есть уже и конкретные результаты – например, заключение нового Договора по СНВ. Я не знаю, в какой мере эти новые веяния коснулись ОБСЕ и действующих на его пространстве институтов. Судя по общедоступной информации, которой я теперь пользуюсь, пока здесь мало что меняется, хотя, возможно, это не совсем так. Предположу, что и в НАТО, и в ОБСЕ есть намерения также осуществить «перезагрузку» наших отношений, восстановить утраченный баланс интересов, достичь нового взаимопонимания по военно-политическим вопросам. Однако этому, вероятно, препятствует груз старых обязательств, ангажированность на позиции, не менявшиеся на протяжении многих лет и потому плохо поддающиеся пересмотру.

В поисках выхода из подобных ситуаций обычно предлагается все начать заново – с чистой страницы. Вот и я считаю, что прежде чем садиться за стол переговоров по реанимации режима ДОВСЕ, необходимо определиться, нужен ли нам контроль над обычными вооружениями в Европе в современных условиях и, прежде всего, хотят ли его сами европейцы. По опыту хорошо знаю, что если объединенная Европа не будет оказывать реальную поддержку этому режиму, не проявит заинтересованность в его развитии и укреплении, вновь отдаст все на откуп США и России, жизнеспособной договорной конструкции на месте прежнего Договора у нас не получится.

Что касается России, то наши партнеры, надеюсь, смогли убедиться в том, что ей нужен режим ДОВСЕ не больше, чем другим. Более того, у многих в Москве выработалось достаточно скептическое отношение к перспективам его реанимации под влиянием негативного опыта переговоров по этому вопросу за последние 10 лет.

Думаю, однако, что шансы восстановить баланс интересов в этой области все же существуют, если мы все согласимся с тем, что контроль над обычными вооружениями в Европе должен оставаться одной из форм организации общеевропейского пространства хотя бы в целях предотвращения его нового распада с вытекающими отсюда последствиями для безопасности. Ведь ДОВСЕ – единственный юридически обязывающий документ в сфере «жесткой» безопасности, связывающий Восток и Запад Европы. Контроль над вооружениями стоило бы сохранить и в расчете на его дальнейшую эволюцию, которая может принять интересные формы, если будет сопровождаться адекватной трансформацией Организации Североатлантического Договора. Наконец, он весьма полезен для вооруженных сил наших государств, которые приобретают ценнейший опыт в процессе взаимного общения.

Разумеется, такие доводы вряд ли способны вдохновить всех. Некоторые из государств-участников прекрасно себя чувствуют под защитой НАТО и не проявляют никакого интереса к контролю над вооружениями. Я помню одну делегацию, которая выступала почти на каждом заседании СКГ. Но как только ее страна стала членом альянса, наши красноречивые коллеги замолчали навсегда и, наверное, молчат до сих пор. Другие озабочены лишь собственными внутренними проблемами и им безразлично все, что не связано с их скорейшим разрешением. Я с пониманием отношусь к такому положению вещей. Однако существуют высшие стратегические интересы обеспечения европейской безопасности в широком смысле этого слова. Хотелось бы надеяться, что

узконациональные устремления отдельных стран по меньшей мере не будут препятствовать их реализации.

Итак, если мы согласны с тем, что контроль над вооружениями все же нужен, давайте посмотрим, на что реально мы можем рассчитывать в процессе переговоров по его возрождению. Думаю, что на этот вопрос можно ответить достаточно точно, с учетом нашего ясного понимания причин, приведших к приостановке действия режима ДОВСЕ в 2007 году.

Очевидно, что режим контроля над обычными вооруженными силами может быть восстановлен только на основе ключевых положений адаптированного Договора. Это – сетка национальных и территориальных уровней, обмен информацией и контроль. Я ознакомился с позицией нашей делегации по вопросу понижения национальных уровней стран НАТО и вижу, что продолжается старая дискуссия, вызванная процессом расширения альянса и продвижением его военной инфраструктуры на восток. Считаю, что выдвигаемые российской стороной требования вполне оправданы и должны быть серьезно рассмотрены, если мы говорим о восстановлении баланса интересов государств-участников. Что касается расшифровки понятия «существенные боевые силы», то это давно назревшая необходимость. Еще в момент своего появления этот термин произвел крайне неблагоприятное впечатление на российских экспертов в Москве и Вене, был воспринят ими как свидетельство нежелания альянса брать на себя реальные обязательства по ограничению размещения иностранных сил на территории новых членов. Если в существовавших тогда политических условиях такие формулировки еще достигали своих целей на переговорах с Москвой, то сегодня – не имеют никаких шансов.

Сложная проблема – фланги. С одной стороны, понятно, что в силу географии и существенной разницы в размерах территорий, страны, граничащие с Россией, хотели бы иметь дело не с общими российскими уровнями, которые существенны, а с подуровнями регионального масштаба на своих направлениях. С другой стороны, Москва говорит о дискриминации, о расширении натовского присутствия во фланговой зоне и об угрозах ее безопасности с юга. Наконец, за последние два года на южном фланге произошли такие геополитические изменения, которые вряд ли позволят вернуться к прежней схеме фланговых ограничений. По своему опыту я хорошо знаю, какое значение имеют фланги для некоторых государств-участников, в том числе тех, кто неоднократно доказывал свою готовность к конструктивному сотрудничеству с Россией в вопросах контроля над вооружениями. Поэтому я очень надеюсь, что будет достигнут компромисс на основе двусторонних договоренностей с Россией о взаимной открытости или сдержанности в размещении сил в соответствующих регионах – за рамками нового договора.

Что касается зон региональных конфликтов, то у меня сложилась глубокая убежденность в том, что до урегулирования ситуации они могли бы быть выведены из сферы контроля над вооружениями. При обеспечении достаточного уровня военной транспарентности в этих зонах (а это вполне возможно) и функционировании соответствующих политических механизмов они останутся в фокусе внимания ОБСЕ, но не будут подрывать новую договоренность об обычных вооруженных силах, как это случалось с режимом ДОВСЕ. То же самое можно было бы сделать и с территориями вновь образованных государств в районе применения, не получивших пока адекватного международного признания.

Господин Председатель,

Так случилось, что после моего возвращения из Вены в Москву я был назначен представителем МИД России по урегулированию грузино-абхазского конфликта в ранге посла по особым поручениям. Мне довелось участвовать в согласовании текста последней резолюции Совета безопасности ООН, в которой подтверждалась приверженность территориальной целостности Грузии. Это было в апреле 2008 года, а в августе произошло нападение грузинских силовых структур на Южную Осетию, и все

наши усилия оказались перечеркнутыми. Я сожалею об этом, поскольку в рамках **Женевских** встреч все еще оставались надежды на продолжение мирного процесса.

В ходе своей работы в этой должности я встречался со многими грузинскими дипломатами и высокопоставленными чиновниками. Среди них есть реалистически мыслящие, честные и умные люди, с которыми можно и нужно разговаривать о будущем наших отношений. Надеюсь, что недалеко то время, когда взгляды таких людей трансформируются в национальную политику грузинского государства. Тогда мы и начнем по крупицам восстанавливать утраченное доверие, разгребать груз накопившихся проблем. Иного пути для нормализации наших отношений, на мой взгляд, не существует. Убежден, что ни контроль над вооружениями, ни советчики из внерегиональных стран и организаций не смогут повлиять на ход этого процесса.

Господин Председатель,

В заключение я хотел бы поделиться некоторыми соображениями относительно дальнейших действий, которые могли бы быть предприняты участниками переговоров. На мой взгляд, они могли бы пойти по пути новой адаптации адаптированного ДОВСЕ с последующей его ратификацией, поскольку время для ввода в действие подписанного в 1999 году варианта Договора уже упущено. Можно было бы написать новый договор, взяв все ценное из старого. Если и это не пройдет, можно было бы попытаться перевести основные ценности режима ДОВСЕ в меры укрепления доверия. Наконец, можно было бы заняться каким-нибудь другим делом или, скажем, последовать моему примеру – уйти в нанотехнологии. Уверяю вас – почувствуете большую разницу.

Желаю уважаемым делегациям и Вам, господин Председатель, не терять оптимизма даже в самых сложных ситуациях.

Благодарю за внимание.